

«Известный в свое время администратор»:

страницы

биографии

казанского

губернатора

А. Я. Жмакина

Дворянский род Жмакиных известен с XVII в. Александр Яковлевич родился 15 октября 1780 г. в с. Богородское Петровского уезда Саратовской губернии в семье отставного поручика Якова Степановича Жмакина¹. Он получил домашнее образование, в 1797 г. поступил на военную службу подпрапорщиком в полк генерала от инфантерии П. С. Мещерского, в 1798 г. «за отличие» был произведен в прапорщики, в 1799 г. — в поручики, а в 1800 г. — в штабс-капитаны.

Выйдя в отставку в 1801 г., А. Я. Жмакин был определен «к статским делам» с чином коллежского асессора². В 1802-1803 гг. он служил в Казани дворянским казначеем, в 1803-1808 гг. — товарищем (заместителем) советника Казанской удельной экспедиции. В 1803 г. Александр Яковлевич женился на дочери местного дворянина Вере Яковлевне Кудрявцевой. В 1808 г. А. Я. Жмакин был произведен в надворные советники и перемещен помощником управляющего Костромской удельной канторой, а в 1811-1817 гг. занимал должность управляющего Вятской удельной канторой. Накопленный опыт работы он использовал при составлении в 1812 г. руководства о правах и обязанностях удельных крестьян, которое было опубликовано и разослано «по всему удельному имению» в России. Вскоре Александр Яковлевич был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и пожалован чином коллежского советника.

В 1817 г. он был определен вятским вице-губернатором. Помимо исполнения своих обязанностей, Алек-

сандр Яковлевич занимался «исправлением беспорядков по казенному питейному сбору», за что в 1819 г. был возведен в статские советники. Также он осуществлял ревизию правления Северного округа корабельных лесов и онежских казенных лесопильных заводов, руководил винокуренными заводами Вятской губернии. В Вятке А. Я. Жмакин женился вторично на дочери гражданского губернатора Марье Павловне Добринской. От двух браков он имел сына* и четырех дочерей³.

29 июля 1821 г. Александр Яковлевич был назначен казанским вице-губернатором. По должности он возглавлял и Казанскую казенную палату, и его жалованье превышало губернаторское.

Казанская губерния переживала тяжелые времена. В результате сенаторской ревизии С. С. Кушников и П. Л. Санти 1819-1820 гг. местная администрация была дискредитирована, губернатор И. А. Толстой умер в разгар следствия, а под судом оказалось около полутора тысяч чиновников из всех звеньев губернского, уездного и волостного управления⁴. Новому гражданскому губернатору П. А. Нилову пришлось решать не только кадровую проблему, но и вести борьбу с Казанской временной комиссией во главе с Д. В. Тенишевым. В результате значительное время он вынужден был проводить в Санкт-Петербурге, где обивал пороги в правительственных кругах. Губернские же проблемы легли на плечи вице-губернатора А. Я. Жмакина, который с 14 декабря 1821 г. по 12 октября 1822 г. и с 26 мая 1823 г. по 25 июля 1826 г. руководил Казанской губернией, занимая после отставки П. А. Нилова в 1823 г. пост исполняющего обязанности гражданского губернатора. В высших сферах пришли к выводу о том, что Александр Яковлевич «исправлял эту важную и многотрудную должность с примерным усердием и ревностью»⁵.

Дело в том, что указом от 30 июня 1822 г. «для прекращения существующих злоупотреблений и беспорядков» в Казань был отправлен видный государственный деятель александровского царствования сенатор В. Ю. Соймонов, наделенный правами генерал-губернатора. Последний ревизовал местные учреждения и нашел их в жалком состоянии. С горечью писал он о том, что «главнейшим поводом к расстройству было само губернское правление, которое вместо того чтобы служить примером исправности,.. внутренними беспорядками... довело себя до совершенной запутанности»⁶. Только деятельность Казенной палаты и ее руководителя заслужили положительный отзыв сенатора, и он «словесно объявил присутствию благодарность за порядок, найденный им по всем частям Палаты»⁷.

Между тем обнаруженные «беспорядки и упущения» в работе полиции и судебных органов заставили В. Ю. Соймонова добиваться учреждения Временного департамента Казанской палаты уголовного суда, который открылся 6 февраля 1824 г. Вначале Комитет министров предложил «дабы в делах сих не участвовал никто из чиновников и дворян Казанской губернии... определить в оный всех чиновников от правительства»⁸. Однако, столкнувшись с кадровым дефицитом, в августе 1825 г. министры предписали А. Я. Жмакину командировать в департамент «дворян и губернских чиновников... по назначению губернского начальства»⁹. Временное судебное ведомство просуществовало до лета 1827 г. и успешно справилось с возложенными на него задачами.

Да и сам Александр Яковлевич был вынужден прибегнуть к услугам специалистов, чтобы «споспешествовать успешному течению дел» в подведомственном учреждении, и определил в Казенную палату советником (второе лицо после председателя) Карнеева¹⁰. Этот чиновник оказался «прикосновен к ответам по делам» сенаторской ревизии 1819-1820 гг., но вернулся на службу и подписывал теперь «вообще все журналы и определения Палаты»¹¹.

* В справочнике «Казанское дворянство 1785-1917 гг.: Генеалогический словарь» указывается на то, что у А. Я. Жмакина было три сына и четыре дочери (см.: Казанское дворянство 1785-1917 гг.: Генеалогический словарь / Сост. Г. А. Двоеносова. – Казань, 2001. – С. 224).

Именно В. Ю. Соймонов инициировал увольнение П. А. Нилова и убедил министра внутренних дел В. П. Кочубея, Комитет министров и самого императора назначить исполняющим обязанности главы Казанской губернии А. Я. Жмакина. По мнению сенатора, Александр Яковлевич был лучшей кандидатурой на пост губернатора, а среди аргументов приводились и «количество дел, решенных в губернском правлении», и «благоразумные распоряжения» последнего, «по которым без особой сильной власти все подчиненные повинуются и которые везде видимый успех имеют»¹². Свое представление В. Ю. Соймонов подкреплял статистическими сведениями, подтверждающими эффективность работы А. Я. Жмакина. Так, общее число решенных дел по всей губернии составляло: в 1821 г. — 16 116, в 1822 г. — 34 517, в 1823 г. — 41 216¹³. Постоянно разъезжая с правительственными поручениями по Поволжью и Уралу, сенатор распорядился всем губернским присутственным местам «остановиться присылкой к нему сведений о разных случаях и предложениях, требующих разрешения» и обращаться непосредственно «к управляющему губернией вице-губернатору»¹⁴.

За время руководства Казанским краем в 1823-1826 гг. Александр Яковлевич «распоряжениями своими об устройстве губернии, приведением в порядок бывших по разным частям запусшений, взысканием значительного числа недоимок, устройством дорог и почтовых домов, украшением губернского города, раскрытием и поимкою делателей фальшивых ассигнаций, со всеми инструментами их, и, наконец, уменьшением нескольких тысяч дел по губернскому правлению» обратил на себя внимание правительства¹⁵. За «понижение цен при торгах на почтовую гоньбу» и содействие при пожертвовании местным дворянством средств в пользу военно-сиротских отделений он неоднократно получал благодарности государя, а в марте 1824 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

А каким он остался в памяти современников? Зять А. Я. Жмакина, из-

вестный поэт В. И. Панаев, женатый на его старшей дочери Прасковье, отмечал «необыкновенный ум, отличные по службе способности и очаровательную любезность» своего тестя¹⁶. Симбирский гражданский губернатор И. С. Жиркевич вспоминал, что Александр Яковлевич относился к лицам, которые «не уклонялись от некоторых порывов корысти», но являлся «хорошим губернатором, т. е. деловым. [...] Отметки его (о чиновниках и учреждениях. — Е. Д.) были так верны и так добросовестны, что впоследствии ни в одном из объяснений, мне данных, я не имел случая ошибиться. Это обнаруживает внимательный взгляд, проницательность и совершенное знание людей Жмакиным»¹⁷. О «радушии» и «особенной любезности» Александра Яковлевича и Марии Павловны Жмакиных упоминает и ученый-библиофил И. А. Второв¹⁸. Председатель Государственного совета и Комитета министров России В. П. Кочубей неоднократно пользовался сведениями Жмакина, «долговременною опытностью приобретенными, ибо он почти всю жизнь провел на службе в губерниях»¹⁹.

Чтобы наладить отношения с местным дворянством, 22 мая 1823 г. губернатор добился включения рода Жмакиных в шестую часть дворянской родословной книги Казанской губернии²⁰.

Александр Яковлевич немало потрудился на благо вверенного ему края. При нем в 1823 г. на берегу реки Казанки произошло открытие Храма-памятника русским воинам, павшим при взятии Казани в 1552 г.²¹ А. Я. Жмакин способствовал принятию «Положения об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани», утвержденного Александром I 26 октября 1825 г. Согласно документу, в городской смете расходов на освещение улиц и установку новых фонарей тратилось 10,3 % средств (около 15 тыс. руб.), на устройство мостов, содержание общественных зданий, уравнивание дорог — 7,9 % (11 506 руб.), на содержание городского общественного управления и суда — 9 % (13 150 руб.), на содержание полиции — 65,2 % (95 388 руб.)²².

Александр Яковлевич оказывал помощь и учебным заведениям губернии. Он освободил дома, занимаемые Н. И. Лобачевским и другими университетскими преподавателями, от казенного постоя²³. За вклад в дело народного просвещения 17 мая 1826 г. А. Я. Жмакин был избран почетным членом Казанского университета²⁴.

Что касается деятельности административных органов, то, согласно определению Первого департамента Сената от 2 июня 1825 г., решение дел в канцелярии губернатора и губернском правлении «ускорилось, чему доказательством служит... то, что с ноября 1822 по ноябрь 1823 разрешено... более... 1822 года 3 856 дел. В сравнении с 1821 годом количество решенных в 1823 превышает уже 9 241 дело, а с ноября... 1823 по июль 1824 число всех оставшихся... нерешенных дел... доведено до 2 600»²⁵.

Блестящий успех ждал губернатора и в борьбе с казанскими фальшивомонетчиками. В первой четверти XIX в. Казань, по словам М. М. Сперанского, была «гнездом» печатания и распространения фальшивых денег и документов в России²⁶. В течение десятилетий руководители Казанской губернии получали предписания из столицы с требованием пресечь преступную деятельность местных «делателей и переводителей» купюр. И вот в 1820-е гг. исполняющему обязанности гражданского губернатора А. Я. Жмакину наконец улыбнулась удача. Его опыт и распорядительность позволили задержать многочисленную шайку фальшивомонетчиков. Исправляющий должность казанского генерал-губернатора сенатор В. Ю. Соймонов в рапорте к министру юстиции Д. И. Лобанову-Ростовскому от 9 апреля 1825 г. с радостью сообщал, что действия его протеже «не только прекратили зло сие, но такой навели страх и опасение на людей, подобным ремеслом занимающихся, от коего обращение фальшивых ассигнаций в Казанской губернии особенно велико было, что с того времени доселе, можно сказать, совсем не стало показываться оных»²⁷. События разворачивались следующим образом.

В марте 1822 г. в Тамбовской губернии полиция задержала распространителя фальшивых купюр нового образца. Генерал-губернатор А. Д. Балашов направил его под конвоем в Казань к А. Я. Жмакину. «Неоднократные распросы и убеждения» последнего привели к полному признанию преступника. Он указал на шайку фальшивомонетчиков из местных татар. Дело оказалось в Казанском уездном суде. «Для совершенного раскрытия и преследования виновных в столь важном преступлении» Александр Яковлевич избрал в качестве следователя дворянского заседателя в палате уголовного суда М. И. Свешникова. Подозреваемых искали на территории всего Поволжского региона. Губернатор призвал на помощь особо доверенных людей, которые должны были разъезжать под видом торговцев и скупать поддельные банкноты. В январе 1823 г. секретные агенты выследили и схватили нескольких жителей Лаишевского и Мамадышского уездов, а те привели их к организаторам шайки. Главные преступники запаслись фальшивыми документами и деньгами и бежали в Астрахань. А. Я. Жмакин обратился к своему покровителю сенатору В. Ю. Соймонову и добился от него содействия в розыске подозреваемых. Наконец в Астрахани были пойманы четыре татарина, проживавшие там под чужими именами, в то время в самом городе появились фальшивые ассигнации. В январе 1824 г. арестованные были этапированы в Казань и опознаны. Итак, «после многих затруднений, розысков и переписок» в тюрьме оказалась вся банда фальшивомонетчиков из 16 человек.

А. Я. Жмакин поручил следователю М. И. Свешникову «действовать на них убеждением». Многодневные изнурительные допросы подозреваемых привели к тому, что в ноябре 1824 г. оставшиеся в живых преступники «изъявили желание к чистосердечному признанию». В присутствии губернского прокурора Г. И. Солнцева они рассказали, кто из них являлся изготовителем, а кто распространителем фальшивых денег и паспортов. Вещественные дока-

зательства — «каменные доски для напечатания пашпортов и для тиснения ассигнаций» — торжествующий следователь доставил к А. Я. Жмакину, а тот показал их В. Ю. Соймонову²⁸. «Со времени поимки главных преступников, — доносил Александр Яковлевич в марте 1825 г., — нигде почти в Казанской губернии не оказывается фальшивых ассигнаций»²⁹. Виновные понесли заслуженное наказание: девять человек биты кнутом и сосланы на каторгу, двое — наказаны плетью и сосланы на поселение в Сибирь³⁰.

Сложные взаимоотношения с местной прокуратурой прибавляли хлопот энергичному губернатору. Назначенный в 1822 г. казанским губернским прокурором А. М. Херувимов неоднократно обращал внимание А. Я. Жмакина и вышестоящее начальство на недостатки в работе различных учреждений и в стиле руководства должностных лиц, включая и самого управляющего губернией. Так, в декабре 1822 — марте 1823 г. он сообщал о неправильном ведении текущей документации и задержках с отчетами «за многие годы» в Казанской казенной палате, привлечении к работе в ней находящихся под судом чиновников, вмешательстве губернской администрации в сословные выборы, «неимоверной медленности, недейтельности и запущении в делах» городской полиции, «от чего по губернии происходит вообще остановка в решении дел, а особенно об арестантах и об ищущих вольности людях»³¹. В апреле 1824 г. А. М. Херувимов жаловался министру юстиции Д. И. Лобанову-Ростовскому: «Все настояния мои почти тщетны, ибо со времени нахождения моего в Казани губернским прокурором... едва ли не более уже ста указов получила полиция из губернского правления с наложением пеней и выговоров»³². В свою очередь поддерживаемый А. Я. Жмакиным полицмейстер А. А. Стан оправдывался тем, что «при вступлении его... в настоящую должность первоначально обратил он все внимание на благоустройство города (Казани. — *Е. Д.*), при обширности коего, большом населении, местных и иногородних жителей, и при

существовании разных правительств, мест и заведений,.. нашел весьма ограниченную полицию, обязанную выполнять многие предписания, требования, частные просьбы, иметь наблюдение за тишиною, спокойствием и чистотою города. При сей обязанности и ограниченности штата полиция не имела для письмоводства никакого почти способа и дела ее по необходимости оказались в положении затруднительном. [...] Частные приставы по делам секретным и смертоубийствам командированы в уезды на следствие и находятся там по месяцу и более, а вверенные им части остаются при одном квартальном надзирателе, который по обширности ее находится в совершенной невозможности успеть в своевременном исполнении поступающих дел»³³.

В отношении сословных выборов выяснилось, что здесь, как и при предшествующих губернаторах, происходили «некоторые отступления от законного порядка». Так, губернское правление утвердило в декабре 1823 г. свияжским земским исправником П. Горского, который был забаллотирован уездными дворянами. Некоторые заседатели «быв избраны дворянством в назначенные места,.. г. вице-губернатором перемещались в другие, отчего и вынуждены были... увольняться от должностей»³⁴. В Казанскую палату уголовного суда от купечества были избраны и «правлящим должность гражданского губернатора утверждены» неграмотные заседатели Я. Кабанский и Я. Павлов. Эти купцы к журналам и определениям Палаты прикладывали только печати³⁵.

Прокурорские протесты и рапорты вызывали неудовольствие А. Я. Жмакина. Он докладывал В. Ю. Соймонову на просчеты в деятельности самой губернской прокуратуры. А. М. Херувимову напомнили о том, что «вместо должно-го уменьшения нерешенных дел и содержащихся по оным подсудимых,.. число (дел. — *Е. Д.*) весьма приметно увеличилось»³⁶. В феврале 1824 г. Александр Яковлевич заметил, что «некоторые уездные стряпчие отлучались от мест служения их в губернский город без позволения губернского началь-

ства... по вызову губернского прокурора Херувимова», а «таковые самовольные отлучки... кроме беспорядка... могут иногда делать и... в делах остановку»³⁷. Несмотря на призывы о помощи к министру юстиции, А. М. Херувимов в 1824 г. был перемещен на аналогичную должность в Олонецкую губернию, в 1826 г. вернулся в Казань советником Палаты гражданского суда и пополнил ряды сторонников бывшего попечителя учебного округа М. Л. Магницкого³⁸. Новым казанским губернским прокурором стал видный юрист, бывший ректор Казанского университета, профессор Г. И. Солнцев.

Не забывал А. Я. Жмакин и своих интересов. Так, построив себе в 1822 г. на Воскресенской улице каменный двухэтажный дом со службами, оцененный в 32 тысячи рублей, он удачно продал его в 1825 г. за 70 тысяч рублей Приказу общественного призрения (где председательствовал по должности губернатора) для размещения в нем больницы³⁹.

В 1825 г. скончался император Александр I. В период междуцарствия основное внимание А. Я. Жмакина было обращено на волнение казанских суконщиков. Согласно рапорту фабриканта Г. И. Осокина от 6 декабря 1825 г., «мастеровые, не спросив ничего позволения, вышли из своих палат и, собравшись в великом множестве, приступили к воротам, оттолкнули караульного и пошли в церковь (на присягу новому самодержцу. — *Е. Д.*), сделали обиду священнику и многочисленной толпой ходили к архиепископу»⁴⁰. Дело в том, что приравненные к крепостным крестьянам рабочие суконной мануфактуры не имели права приносить присягу. Движение еле-еле удалось прекратить.

17 января 1826 г. казанский губернатор получил секретное письмо от председателя Следственного комитета по расследованию движения декабристов А. И. Татищева с требованием немедленно сообщить «не существуют ли в Казани или других местах губернии какие-либо тайные общества»⁴¹. В официальном ответе от 12 февраля

того же года А. Я. Жмакин неопределенно отрицал наличие конспиративных организаций. Местные краеведы, впрочем, считают, что Александр Яковлевич не желал ставить под удар близких людей, так как он знал, что его зять В. И. Панаев в 1823-1824 гг. в Петербурге сблизился с некоторыми из декабристов и стал «карбонарием», знал о существовании казанского кружка Ф. М. Рындовского. 26 марта 1826 г. прибывший с ревизией Казанского университета генерал-майор П. Ф. Желтухин сообщал в столицу о тайных обществах в губернии: «Меры же, нужные по сему делу, все приняты»⁴².

Когда позиции А. Я. Жмакина стали ухудшаться, за него вновь взялась прокуратура. Г. И. Солнцев «доводит до сведения» Казанского губернского правления «о беспечности и послаблении земских полиций во взыскании недоимок, накопившихся по губернии» в сумме свыше 3 млн. 324 тыс. рублей⁴³. Были претензии у губернского прокурора и к деятельности Казенной палаты: «Во многих волостных правлениях... не соблюдается законного порядка в избрании волостных голов и писарей. [...] В выборы, увольнения и определения от сих званий сельских начальников вмешиваются земские полиции. [...] Выбираются в волостные головы и писари или тамошние обыватели, под судом состоявшие, или неблагонадежные к исправлению таковых должностей. [...] Положенные книги не ведутся во всей их точности»⁴⁴. В столицу посыпались доносы из окружения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, с которым у Александра Яковлевича были свои счеты. В. И. Панаев вспоминал, что А. Я. Жмакин «сообщил... многое о[б] удивительных действиях Магницкого, жалуясь при том, что он при столкновении некоторых университетских дел с... губернскими высказывает в сношениях своих тон самовластия и вредит... в Петербурге,.. помогая... Нилову,.. который сильно хлопотал в столице, чтобы возвратиться на прежнее место (казанского губернатора. — *Е. Д.*)»⁴⁵. Расследование по анонимным доносам

впоследствии выявило, что написаны они женской рукой и что сочинители пасквилей собирались у М. Л. Магницкого на квартире и писали под его диктовку⁴⁶. В феврале-марте 1826 г. под руководством генерал-майора П. Ф. Желтухина проводилась ревизия Казанского университета, итоги которой оказались крайне неблагоприятными для попечителя учебного округа. Однако М. Л. Магницкий отчаянно сопротивлялся: он пытался встретиться с императором Николаем I и министрами, представил в правительство «Истинное изложение неприличностей, неправильностей, противозаконных и оскорбительных действий генерал-майора Желтухина при осмотре Казанского университета», а также оказывал «непозволительное влияние» в городе «через вредные внушения, ложное распространение слухов о возложенном якобы на него... тайном поручении» и т. д.⁴⁷

В Казани гадали, кто победит, ревизор или попечитель? А. Я. Жмакин сотрудничал и с тем и с другим. В результате П. Ф. Желтухин был вынужден объясниться с В. И. Панаевым относительно дальнейшей судьбы его тестя: «Судите сами, мог ли я сохранить с ним прежние отношения? Я ревизую человека, находящегося под гнетом правительства, а Александр Яковлевич его принимает, ласкает, а мачеха вашей супруги каждое воскресенье ездит в университетскую церковь к обедне. Следует ли так поступать начальнику губернии?.. Я давно генерал, а тесть Ваш — статский советник, но помня, что он правит губернией, еду к нему. Говорят: нет дома. Чьи же это сани? — Магницкого. Меня не принимают, а он — там. Судите сами»⁴⁸. Политический промах А. Я. Жмакина В. И. Панаев объясняет «его гостеприимством, его необыкновенною ко всем приветливостью и суетностью жены»⁴⁹. В результате в мае 1826 г. должность казанского губернатора получил О. Ф. Розен. Жмакиным заинтересовались сотрудники Третьего отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, которые посчитали, что Александр Яковлевич «начал употреблять

средства к своему обогащению самым пагубным [образом] для благоденствия вверенной ему губернии»⁵⁰. По одному из доносов он вместе со своим тестем вятским губернатором П. М. Добринским (находился под следствием Сената с 1824 г.) обвинялся в поборах с казенных крестьян на несколько миллионов рублей в Вятской губернии, а также «с торгу продавал правосудие, отдавая оное в руки лихоимственных исправников» в Казанской губернии⁵¹.

С помощью друзей и влиятельных покровителей — В. П. Кочубея, М. М. Сперанского и других — расследование злоупотреблений А. Я. Жмакина результатов не принесло. Сам он 28 августа 1826 г. был определен симбирским гражданским губернатором, прослужив на этом посту до июля 1831 г.⁵²

После череды вялых начальников с новым руководителем симбирская жизнь заметно оживилась. При содействии А. Я. Жмакина в губернском городе в 1827 г. было начато строительство кафедрального Свято-Троицкого собора, а с 1830 г. проводилась Сборная ярмарка; в торговом центре губернии г. Карсуне в 1829 г. было заложено каменное здание Гостиного двора; в 1830 г. в уездных городах Алатыре и Сызрани были учреждены публичные библиотеки, в Курмыше — бесплатная читальня; в Буинске была открыта Покровская ярмарка и т. д. В 1827-1830 гг. в Симбирской губернии было организовано массовое крещение татар и чуваш⁵³.

В 1828 г. Александр Яковлевич получил чин действительного статского советника, затем удостоился двух подряд высочайших благоволений (1828 и 1829 гг.) за труды по снижению земских повинностей и по рекрутским наборам. Губернский опыт «бездоимочного сбора рекрут» оказался востребован, и император поручил А. Я. Жмакину рассмотрение проекта рекрутского устава, которым он занимался вплоть до февраля 1830 г.⁵⁴

В 1830 г. Россия столкнулась с серьезным испытанием — эпидемией холеры. В Европейской части страны она свирепствовала со страшной силой. Паника, карантин, кровавые бун-

ты сопровождали опасную «гостью». В августе-сентябре 1830 г. от холеры в Самарском и Ставропольском уездах умерло несколько сот человек. В деревнях началось волнение, вызванное слухами об отравлении «лекарями» колодцев с водой. В ноябре 1830 г. для умиротворения крестьянских «возмущений» в Ставропольском уезде губернатор отправил воинскую команду⁵⁵. В отличие от Казани, в Симбирске «не трусились, и болезни там... не было», так что тревожное ожидание «не мешало нисколько общественному веселому течению жизни»⁵⁶. Напротив, в городе предполагалось устройство центрального холерного комитета. Во время эпидемии, подавая пример подчиненным, губернатор с семьей оставался в Симбирске на своем посту.

С учреждением в Симбирской губернии должности жандармского штаб-офицера последовали доносы на деятельность местных органов власти и управления, а также на самого А. Я. Жмакина. Однако они не повлияли на карьерный рост Александра Яковлевича. Впоследствии в 1836 г., посещая поволжские губернии, Николай I спрашивал у симбирских дворян: «Господа, скажите, кто у вас был лучшим и любимым губернатором?» В один голос отвечали: «Жмакин!» «Государь обернулся к шефу Третьего отделения А. Х. Бенкендорфу и произнес: “Вот видишь,... можно быть взяточником и любимым”»⁵⁷.

2 июля 1831 г. А. Я. Жмакин был переведен в Санкт-Петербург в министерство внутренних дел, где первоначально занимал пост директора Департамента государственного хозяйства и публичных зданий. С 28 сентября 1833 г. он

был директором Департамента исполнительной полиции, а 18 апреля 1837 г. был пожалован в тайные советники и до конца жизни являлся членом совета МВД России. В столице Александр Яковлевич участвовал в работе многочисленных государственных комитетов и «много содействовал» успешной работе последних. Так, он являлся членом следующих комитетов: «для составления общего положения об отставных нижних чинах» (1831), «об устройстве царан» (1832), «об устройстве Санкт-Петербургской полиции» (1832), «для составления правил о производстве следствий» (1833), «для рассмотрения проекта преобразования гражданского медицинского управления» (1833), «об улучшении губернских правлений и земских полиций» (1833), «для определения всей этапной системы по государству» (1837), «для рассмотрения некоторых предположений о рекрутской повинности» (1837), рекрутского (1840)⁵⁸. За долговременную и ревностную службу Отечеству А. Я. Жмакин получил премию в пять тысяч рублей, был награжден золотой табакеркой с бриллиантами, орденами Св. Станислава 1-й степени и Св. Анны 1-й степени, знаками беспорочной службы за XXX, XXXV, XL, XLV лет.

Александр Яковлевич скончался 19 ноября 1850 г. в Санкт-Петербурге и был похоронен на Волковом православном кладбище⁵⁹. Надгробие А. Я. Жмакина в виде гранитного алтаря близ Спасской церкви сохранилось до наших дней⁶⁰. Даже более чем полвека спустя после смерти энциклопедические издания характеризовали его «известным в свое время администратором»⁶¹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив Саратовской области, ф. 19, оп. 1, д. 100, л. 28 об.-30; Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Сост. Л. Б. Модзалевский. – М., Л., 1948. – С. 732.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. 853, оп. 1, д. 113, л. 3.
3. НА РГ, ф. 407, оп. 1, д. 873, л. 97-97 об.; д. 947, л. 31.
4. Шпилевский С. М. Заботы императора Александра I о Казани // Ученые записки Императорского Казанского университета. – 1878. – С. 8-10; Загоскин Н. П. Казанский разгром 1819-1820 годов // Волжский вестник. – 1892. – 24 июня; Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны: Из русской жизни в начале XIX века // Русская старина. – 1903. – Т. 116. – С. 486, 489-491; Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы биографии с 1828 по 1855 год. – М., 1954. – С. 23-24; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 109, 1 экспедиция, 1831, д. 529, л. 1-157.
5. Справочный энциклопедический словарь / Под ред. А. Старчевского. – СПб., 1855. – Т. 4. – С. 310.
6. НА РГ, ф. 14, оп. 12, д. 21, л. 2.

7. Там же, ф. 168, оп. 1, д. 764, л. 16 об.-17.
8. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. 38. – № 29376. – С. 858; № 29480. – С. 1011-1012.
9. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 796, л. 20.
10. Там же, ф. 14, оп. 13, д. 37, л. 23.
11. Там же, ф. 168, оп. 1, д. 764, л. 18-18 об.
12. Российский государственный исторический архив, ф. 1263, оп. 1, д. 375, л. 217.
13. Там же, л. 240-241.
14. НА РТ, ф. 14, оп. 11, д. 414, л. 2 об.-3.
15. Справочный энциклопедический словарь... – С. 309.
16. Панаев В. И. Записки // Вестник Европы. – 1867. – Т. 4. – С. 78.
17. Жиркевич И. С. Записки // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – С. 415.
18. Де-Пуле М. Ф. Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. – 1875. – Т. 118. – С. 591.
19. Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1891. – Т. 74. – С. 434.
20. Казанское дворянство 1785-1917 гг.: Генеалогический словарь / Сост. Г. А. Двоеносова. – Казань, 2001. – С. 224.
21. Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города с приложением кратких адресных сведений. – СПб., 1890. – С. 303.
22. Положение об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани, высочайше подтвержденное в 26-й день октября 1825 года. – Казань, 1833. – С. 21-23.
23. Материалы для биографии... – С. 146.
24. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 1063, л. 1-3.
25. Там же, ф. 168, оп. 1, д. 689, л. 41 об.-42.
26. Письма М. М. Сперанского к А. А. Столыпину // Русский архив. – 1871. – Т. 9. – С. 432.
27. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 785, л. 1.
28. Там же, л. 3-9 об.
29. Там же, л. 9 об.
30. Там же, ф. 14, оп. 12, д. 182, л. 6-7, 13, 17 об.-18; Долгов Е. Б. Дело о казанских фальшивомонетчиках // Идель. – 2007. – № 9. – С. 64-65.
31. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 764, л. 13-29 об.
32. Там же, л. 29.
33. Там же, ф. 14, оп. 19, д. 85, л. 7-7 об.
34. Там же, ф. 168, оп. 1, д. 764, л. 24 об.-25 об.
35. Там же, л. 25 об.-26.
36. Там же, ф. 14, оп. 12, д. 35, л. 1.
37. Там же, ф. 168, оп. 1, д. 764, л. 2-2 об.
38. Там же, ф. 14, оп. 15, д. 146, л. 4-5.
39. Там же, ф. 115, оп. 1, д. 51, л. 1-2, 11-11 об.
40. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 6-6 об.
41. Загвозкина В. Г. Е. А. Боратынский и Казань. – Казань, 1985. – С. 56-57.
42. Там же. – С. 108-109.
43. НА РТ, ф. 14, оп. 14, д. 125, л. 8; оп. 15, д. 138, л. 3-4.
44. Там же, оп. 16, д. 69, л. 1.
45. Панаев В. И. Указ. соч. – С. 78.
46. Там же. – С. 120.
47. НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 5-5 об.
48. Панаев В. И. Указ. соч. – С. 118.
49. Там же.
50. ГА РФ, ф. 109, 1 экспедиция, 1831, д. 529, л. 2, 4.
51. НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 6-7 об.
52. ГА УО, ф. 853, оп. 1, д. 113, л. 2 об.-3 об.
53. Горбунов К. Е., Сивопляс И. Э., Шабалкин А. Ю. Симбирские гражданские губернаторы: Материалы к историко-биографическим очеркам. – Ульяновск, 2003. – С. 6.
54. ГА УО, ф. 853, оп. 1, д. 113, л. 3-3 об.
55. Де-Пуле М. Ф. Указ. соч. – С. 600-602.
56. Там же.
57. Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I // Русская старина. – 1878. – Т. 23. – С. 675.
58. Справочный энциклопедический словарь... – С. 309-310.
59. Там же. – С. 310; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 643, оп. 1, д. 8, л. 148 об.
60. Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. – СПб., 1993. – С. 351.
61. Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Б/д. – Т. 17. – С. 933.

Евгений Долгов,
кандидат исторических наук

